

с. 1.

ФЕЛЬЕТОНЪ „ОДЕСС. НОВОСТЕЙ“

14-го сентября 1898 года.

ПЯТРОСКИ И НЕДОМОСЛЮКИ.

I.

Теперь гражданская идиллія нисколько не мешает въ заблужденіе и обмануть не можетъ. Даже г. Абрамовъ, продающій картошку и, кстати, отыскивающій такъ называемыя „отрадные явленія“, не смилостивится намъ мирнаго поселенія по караминскому образцу. Самое большее, что въ состояніи онъ изобразить, это—музыка, который посѣтилъ представленіе въ народномъ театрѣ и возвращается въ свою избу, не находя въ карманѣ натака на стаканъ водки.

Теперь мирная гражданская идиллія обязательно включаетъ въ себя какую-нибудь законнику. Мы простились съ обывателемъ, который во времена оны, посѣлъ трудовъ правды, сидѣлъ въ кидражъ своего семейства, благодушно почесывался и думалъ о красѣ міроустройства. Такого въ нынѣшніе дни не находите. Какъ будто всѣ условія жизни его устроились между собой о томъ, чтобы такого прекраснаго настроеннаго человѣка выжить. Сама природа — противъ него. Прекрасное утро говоритъ ему не о величій земного свѣтила, а о томъ, что недоумки платить надо. Птицы теперь ширмають о томъ, что и на гульбѣ, и въ полѣ имъ прокормиться вѣтъ.

Даже безначальное, повидимому, существованіе обывателя, который не знаетъ и не съѣтъ, а въ житицѣ собираетъ, не обходится безъ запятой, хотя-бы и не всѣми сознаваемой. Представьте себѣ верхъ обывательскаго благополучія по самой послѣдней житейской программѣ. Обыватель проснулся утромъ и первое, что слышитъ,—сегодня двадцатое!.. Онъ цушиной валетася съ постели и уламбается будущему. Жена, давая ему чаю и гдѣ-то называетъ его „монимъ инимъ интеллигентникомъ“. Службѣны чаша пролетаютъ въ мигновеніе. Послѣ сытнаго обѣда онъ безмятежно сидитъ и видитъ во снѣ повыше. Но не спитъ. Вечеромъ онъ, отпа-

вая, такъ сказать, гражданскій долгъ природѣ, участвуетъ въ любительскомъ спектаклѣ, сборъ съ него предназначается на поддержаніе отхожаго промысла балалаечниковъ. Послѣ спектакля счастливецъ успѣваетъ ужиная, танцовать, ухаживать за обывательскими дамами и, въ концѣ-концовъ, въ полномъ забвеніи доставляется домой, коды божи въ сумрагъ, которая тоже ужинала, флиртовала, любительствовала и кудалась, коротко сказать, въ морѣ блаженства.

Чего вы еще хотите большаго? Прямо—райское житіе. Однако гложетъ, оказывается, обывателя червякъ. По наблюденіямъ, напр., г. Чахова, обыватель, садясь за карточный столъ, думаетъ: „на кой чортъ въ гимназій и университетѣ я учился? Для того, чтобы узнать о пумическихъ войнѣхъ, или о томъ, что существуетъ какое-то гражданское право? Что я лучше, что-ли, въ карты стать играть, узнавъ о Карвагенѣ? И на какую потребу мнѣ право, когда для меня все-то сосредоточивается въ правѣ пить водку и дуться въ винтъ“?.. Согласитесь, что это—отрава въ сладкомъ питіи. А если у обывателя партія въ винтъ не составится, и, такимъ образомъ, отдавъ онъ будетъ на жертву досугу, то я еще развѣи мысли подпустить горечи въ его фіалѣ блаженства. Онъ способенъ тутъ и въ необходимости поощрять балалаечниковъ, какъ національное достоиніе, поколебаться. Онъ и въ агентурѣ банковской, какъ признакъ народничества, усомнится. Его губернскій флиртъ, съ мордобойствомъ въ заключеніе, покажется ему далекимъ отъ идеала, и самъ онъ представится себѣ свинья-сляняей. Несомнѣнно, всѣ эти тяжелыя мысли не будутъ ниѣтъ для него никакихъ самонамѣтѣнныхъ послѣдствій, и не шевельнетъ онъ пальцемъ, чтобы измѣнить что-либо въ своемъ времяпрепровожденіи; но, тѣмъ не менѣе, каточное сознаніе его уже смазано горчицей. Цѣпляясь за призракъ дѣла, онъ изобрѣтаетъ таксу для извозчиковъ, намордники для собакъ и т. п., безспорно, полезныя вещи; но—увѣ!—онъ ужъ не доставитъ ему той полноты удовольствія, которой онъ, по положенію своему, вполне достоинъ. И въ таксъ, и въ намордники будетъ чего-то недостаивать.

II.

Но суть не въ этомъ.

Мы въ правѣ не повѣрить г. Чехову, когда онъ рассказываетъ намъ объ обывательскихъ умственныхъ и нравственныхъ мученіяхъ. Мы можемъ сказать: „Если-бы, действительно, человѣкъ даже въ необходимости балабачниковъ искренне усомнился, то поведъ-бы онъ себя иначе. Не вѣрнѣе-ли предположить, что это г. Чеховъ свои собственныя недоумѣнія излагаетъ, а обыватель—тутъ не при чемъ“. Всѣ данныя, строго говоря, свидѣтельствуютъ, что въ данномъ случаѣ передъ нами доброжелательная клевета. Съ той стороны, на которую указываетъ почтенный писатель, не грозятъ нашему герою никакія непріятности. Сколько ни приходилось намъ наблюдать, введеніе собачекъ намордниковъ и просвѣщеніе ближнихъ путемъ постановки „Али и Ферта“ постоянно и съ твердымъ убѣжденіемъ считалось обывателемъ за священнѣйшую и превосходнѣйшую его обязанность. Первѣйшимъ признакомъ обывательской интеллигентности невозбранно считалось и считается, ежели обыватель всѣ свои достатки держать про себя, а на общую потребу обмакнуть палецъ въ сахарную водичку, издали его всѣмъ показать, а заключительно—облизнуть. Значитъ-ли это, что человѣкъ нравственно не способенъ? Онъ можетъ ударить себя въ грудь, но кто-же повѣритъ, что онъ не комедію ломаетъ? Онъ можетъ ныть, но какая тому нытью цѣна? Нытье это для того только, чтобы обезпечить себѣ право почесать въ безпамятствѣ ноздь билліардомъ. Ощущеніе собственнаго недовольства начинается тутъ и заканчивается въ пустомъ пространствѣ, въ которомъ нѣтъ фактовъ и доказательствъ, а присутствуетъ лишь бездѣлье. Ибо, вѣдь, нельзя-же очесать за доказательство то, что человѣкъ неспособенъ вводить въ свой обиходъ, какъ правило, и заявлять, что въ этомъ кареагеніе, прахъ ихъ побори, виноваты!...

Горечь лежитъ не въ этомъ нѣстѣ, и если ужъ носить отравы, то не въ этихъ подробностяхъ бытія залегъ ея осадокъ. И самый отхожій промыселъ балабачниковъ, и обывательскій флиртъ, вытѣкающій въ себѣ и „волокитку“ для дамы, и хорошую зуботычину для кавалера, и прочая вся эта

(...)

Слово-Глаголь
<С.С.Гусев>.